

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гилемшин Ф.Ф., Гилемшина А.Г. Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина) // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76769 EDN: JFJVUV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76769

Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина)

Гилемшин Флер Фоатович

ORCID: 0000-0003-1957-5042

доктор филологических наук

доцент; институт международных отношений, истории и востоковедения; Казанский (Приволжский) федеральный университет
главный научный сотрудник; Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ; Академия наук Республики Татарстан
ведущий научный сотрудник ; Лаборатория МГАКФ ФИЦ КазНЦ РАН
420111, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20,

✉ Fler.Gilemshin@yandex.ru

Гилемшина Айсылу Габделзямилевна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского и татарского языков; Казанский государственный медицинский университет
г. Казань, улица Центральная 2-ая, д. 136 Б

✉ miss.gilemschina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76769

EDN:

JFJVUV

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования эмотивной лексики в произведениях современных татарских писателей Айгуль

Ахметгалиевой и Рустама Галиуллина. В исследуемых текстах эмоциональность эксплицируется преимущественно посредством глагольной лексики и эмоционально-экспрессивной единицей. Глаголы, репрезентирующие аффективные состояния (радость, горе, страх, гнев), выполняют ключевую роль в репрезентации внутреннего мира персонажей, обеспечивают эмоциональное вовлечение реципиента и отражают историко-культурный контекст произведений. Семантическое многообразие эмоциональной лексики, богатство синтаксических форм и контекстуальная обусловленность их употребления формируют глубину и выразительность художественных текстов. Цель исследования заключается в анализе функционирования эмоциональной лексики в текстах, выявлении её семантических и стилистических особенностей, а также в определении характера эмоционального воздействия произведений на реципиента. Методологическая база исследования сформирована в рамках теоретических концепций текстологии, лингвистики и литературоведения. Труды таких учёных, как Ш. Балли [1], Н.Д. Арутюнова [2], И.С. Носенко [3], занимают важное место в изучении репрезентации эмоциональности языковыми средствами. В качестве методологического инструментария применяются структурно-семантический анализ, контекстуальная интерпретация и компаративные методы. Научная новизна статьи заключается в комплексном исследовании лексико-семантических особенностей выражения эмоций в татарском языке с учетом культурного и когнитивного контекстов. Отмечается специфическая роль эмоциональных конструкций в формировании национальной картины мира и в межкультурной коммуникации, а также показана значимость контекстуальной интерпретации при переводе эмоциональных выражений на другие языки, например на русский. Основные выводы: • В татарском языке эмоции выражаются разнообразной лексикой, включающей слова, междометия, устойчивые выражения и фразеологизмы, что отражает богатство эмоционального спектра и национальные особенности восприятия чувств. • Выделены группы положительных, отрицательных и амбивалентных эмоций с примерами, что помогает структурировать понимание эмоциональной лексики. • Рассмотрены случаи, когда татарские эмоциональные фразы не имеют точных аналогов в русском языке, что подчеркивает уникальность татарской эмоциональной картины мира. Таким образом, статья вносит значимый вклад в татарскую лингвистику и этнолингвистику, расширяя знания о способах выражения эмоций и их культурном значении, а также служит фундаментом для дальнейших исследований.

Ключевые слова:

эмотивная лексика, позитивные эмоции, чувство, художественное произведение, радость, страх, персонаж, эмоционально-экспрессивная лексика, фразеологизмы, эстетические особенности

Художественный текст служит инструментом репрезентации картины мира, раскрытия человеческих переживаний и духовной сферы посредством языковых средств. Эмоциональная лексика играет значимую роль в демонстрации внутреннего мира героев, эмоциональном воздействии на читателя и усилении экспрессивного потенциала произведения.

В исследуемых произведениях эмотивная лексика играет значительную роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и отражении историко-культурного контекста. Особого внимания заслуживает лексика, выражающая позитивные эмоции. Концепт радости

широко представлен в произведениях и эксплицируется лексемами *шатлану* «радоваться, обрадоваться, ликовать» [4, с. 609], *сөенү* «радоваться, обрадоваться» [4, с. 250], *куану* «радоваться, порадоваться, восторгаться» [5, с. 643]. В толковом словаре татарского языка глаголу *шатлану* «радоваться» даётся следующее определение: «Испытывать чувство радости, ликовать, радоваться, испытывать чувство удовлетворения» [6, с. 679]. Указанные лексемы, в зависимости от контекста, передают различные градации эмоциональной глубины:

1. Внешняя радость: *Аларны шатланып кабул иттеләр* [7, с. 64] «Их встретили с радостью»; *Шатлыгыннан үрле-кырлы сикерде, күзләре йолдыз күк балып янарга тотынды* [8, с. 59] «Она подпрыгивала от радости, глаза её загорелись, как звезды»; *Караши ... Әхмәтнең күзләре белән очрашкан, сөенеченнән йөзенә кояш кунды* [8, с. 120] «Когда её взгляд встретился с глазами Ахмета, от радости словно солнце осветило её лицо». В данном предложении радость выступает как внешний индикатор, то есть проявляется через видимые эмоции персонажей.

2. Глубокая внутренняя радость: *Ир бала туса, алар моны кешеләргә шатланып хәбәр иткән* [7, с. 174] «Если у него родился сын, то он с радостью сообщал об этом людям»; *Вәли кулларын угалап шатлыгыннан чыйый алмый торгач ...* [8, с. 175] «Протирая руки, Вали не мог сдержать радости»; *Динә Мәстәкыймовна алтын тапкандай шатланды* [7, с. 270] «Дина Мустакимовна обрадовалась, так, как будто нашла золото». В этих примерах радость раскрывает глубокие чувства героев.

3. Радость, связанная с удовлетворением: *Остаз инде ул шәкертенен үзеннән уздыруын күреп куана* [7, с. 93] «Наставник обрадовался увидев, что его ученик превзошел его»; *Ялчыгол хәзрәт ... улының әле һаман да гыйлемгә сусавын күреп куанды* [7, с. 129] «Ялчиғол хазрат обрадовался, увидев, что его сын все еще имеет тягу к знаниям». В этих случаях глагол *куану* «радоваться» выражает чувство гордости и удовлетворения.

Ещё одна важная лексема, передающая чувство радости – *көлү* «смеяться» часто употребляется в исследуемых произведениях. В словаре лексема *көлү* определяется как «Выражать радость, удовольствие, веселье» [6, с. 320]. Авторы варьируют употребление данной лексемы с различными определениями, что указывает на степень эмоциональности:

1. Нежный, сдержанный смех: *Кыз тыйнак қына көлде* [7, с. 171] «Девушка скромно рассмеялась»; *Хәзәр исә чырык-чырык көлә* [7, с. 274] Теперь он смеется во весь голос.

2. Сильный, безудержный смех: *Азат абый қычкырып көлде* [7, с. 291] «Азат абый громко рассмеялся»; *Табиб, башын артка ташлап, чын күцеленнән рәхәтләнеп көлде* [7, с. 347] «Доктор запрокинул голову и от души рассмеялся»; *Аннары башын артка ташлап, рәхәтләнеп көләргә тотынды* [8, с. 44] «Потом он запрокинул голову и начал от души смеяться»; *Көлеп үлә яздым* [8, с. 68] «Чуть не умер со смеху»; *Фатихның шулай диюеннән рәхәтләнеп көлештеләр* [8, с. 70] «Они с удовольствием посмеялись над словами Фатиха».

3 . Указание на уровень воспитанности: *Габделкәримнең сүзләреннән ирләр тагын шаркылдал* көлде [7, с. 54] «Мужчины снова рассмеялись, услышав слова Абдулкаrima»; *Фатыйма ... көтмагәндә, пырхылдал, көлеп жибәрде* [8, с. 71] «Фатима неожиданно,

пофыркивая, засмеялась».

При выражении негативных эмоций в произведениях активно используются такие лексемы, как *кайгыру* «горевать, печалиться, скорбеть» [5, с. 512], *курку* «страшиться, бояться, опасаться» [5, с. 656], *ачулану* «ругать, бранить» [5, с. 149].

Глагол *кайгыру* определяется в Толковом словаре татарского языка как «Испытывать чувство печали, огорчаться, беспокоиться» [6, с. 222]. Текстах исследуемых произведений часто эти слова:

1. Выражают печаль, связанную с пассивностью, бессилием: *Габдерәхим бик кайгырган, әмма нишләсөн* [7, с. 208] «Абдурахим был очень опечален, но что он мог сделать?».

2. Отражают дух протеста: *Әби патша, губернатор өчен кайгырмый алар* [7, с. 30] «Они не переживают за царицу Екатерину и за губернатора».

3. Указывают на конкретный объект страха: *Бар курыкканы шул иде* [7, с. 52] «Это все, чего он боялся»; *Нишләп әле ... мин һаман кемнәндер куркып*, дөнья матурлыгыннан йөзәмне яшереп яшәргә тиеш ди?

[8, с. 72]

«Почему я должна постоянно жить в страхе перед кем-то и скрывать свое лицо от красоты мира?».

Для передачи чувства страха авторы в произведениях часто используют также глагол *шүрләү* «трусить, струсить, пугаться, испугаться, бояться, страшиться» [4, с. 639]. Этот глагол в предложениях передаёт более мягкую форму страха, боязни: *Мәрьям абыстайның ... иренен қасығына тәртеп кисәтәсе килә, әмма шүрли.* [7, с. 183] «Марьям абыстай хотела предупредить мужа, подтолкнув его в пах, но боялась»; *Ул үзе корт ҹагудан шүрли* [7, с. 362] «Он сам боится от ужаления пчел»; *Хәсәен аның шүрләп калуын аңлады бугай, әнен дусларча кочып алды* [8, с. 51] «Хусейн, кажется, понял, что его брат почувствовал страх, и он по-дружески обнял брата».

При передаче чувств огорчения, беспокойства зафиксировано активное использование лексемы *хафа* «тревога, беспокойство, волнение» [4, с. 524], а также глагола *хафалану* «беспокоиться, волноваться, тревожиться, расстраиваться» [4, с. 524] и конструкции *хафага кал-* «быть в тоске, печали, быть удрученным» [4, с. 524]: *Минлебикә Тажеддин хәэрәтнәң хафасы шул гына икәнен иштәкәч, сөенеп күйдә* [7, с. 189] «Минлибикэ Тажеддин рада услышать, что единственное беспокойство Таджуддина Хазрата заключалось в этом»; *Инде утызга якынлашкан Жәмилә чын-чынлап хафага калды* [7, с. 328] «Джамиля, возраст которой приближался к тридцати, по-настоящему была встревожена»; *Ул алда булачак хәлләр өчен артык хафаланмады* [7, с. 71] «Его не слишком беспокоило то, что произойдет дальше».

Чувства беспокойства, страха в текстах также передаются с помощью арабизмов – слова *хәвеф* «опасность, угроза» [4, с. 525] и глагола *хәвефләнү* «опасаться, тревожиться» [4, с. 525]: *Әти – старшина, ул хәвефне алдан ук чамалый* [7, с. 150] «Папа — старшина, он предвидит опасность»; *Әллә сөенеп, әллә хәвефләнеп, ул тагын да суза төште* [7, с. 234] «То ли от радости, то ли от тревоги, он решил тянуть время»; *Тагын да хәвефлесе – шул наданнар әллә ниткән мисаллар уйлап чыгарып, халыкны дер калтыратып, ахырзаман белән куркытып тора* [7, с. 167] «Но что еще более опасно, так это то, что эти невежественные люди выдумывают надуманные истории, запугивая людей страхом конца

света».

В книге «Завещание» значительное место занимают и слова, передающие концепт гнева. В толковом словаре татарского языка это понятие определяется следующим образом: «Ачулану – 1. испытывать гнев по отношению к кому-либо или чему-либо, находиться в состоянии гнева, сильно сердиться. 2. Ругаться, ссориться» [\[6, с. 57\]](#).

В большинстве произведений данный глагол используется для передачи мягкого гнева, недовольства. Например: Ачуланма, хәэрәт, изге догада бул, хәер-фатиханы бир [\[7, с. 148\]](#) «Не гневайся, хазрат, помолись за меня и дай мне свое благословение»; Эй, мине ачуланмагыз инде [\[7, с. 216\]](#) «Эй, не сердитесь уж на меня!»; Миңа ачуланма, син әйбәт малай, үз итәм мин сине, – диде ул һәм кулын сүзды [\[7, с. 238\]](#) «Не сердись на меня, ты хороший парень, я тебя уважаю», — сказал он и протянул руку».

Однако, в сочетании со словом жән «черт», данное слово используется для выражения сильного гнева или ярости: Әнисенең соңғы араларда «кияу» сүзен кирәгеннән артык еш телгә алуы Сахибҗамалның жән ачуларын чыгара [\[8, с. 90\]](#) «Слишком частое употребление в последнее время матерью слова «жених» приводит Сахибджамал в ярость».

Для выражения концепта гнева часто используется глагол сүгү «ругать, обругать, бранить» [\[4, с. 273\]](#). Это слово передаёт сильный, агрессивный гнев: Кычкырысын, сүксен иде ул – анысы берни түгел, әмма шулай тешен қысып, иренен тешләп кенә еламасын [\[7, с. 241\]](#) «Пусть кричит, пусть ругает — это ничего, но только пусть не плачет, стиснув зубы и кусая губу»; Әгәр тотып сүксә, кычкырса, болай ук авыр булмас иде, бу сүзләре исә аңымны томалады [\[7, с. 251\]](#) «Если бы он отругал меня, накричал на меня, все было бы не так тяжело, но его эти слова затуманили мой разум»; Аның кадәр ук сүкмә инде аларны, Әтәч дус [\[7, с. 359\]](#) «Так сильно не ругай уж их, братец Петух»; Гыймад хәлфә белән Фатихны баддога укый-укый сүкте [\[8, с. 60\]](#) «Он с учителем Гимадом, проклиная, отругали Фатиха».

В произведениях также часто встречается лексема елау «плакать, рыдать, реветь» [\[5, с. 370\]](#), передающая негативные эмоции: Еларга ярамый иде [\[7, с. 246\]](#) «Плакать было нельзя»; Үзәм елыйм, үзәм куркам, әмма авылга да кайтмыйча булмый [\[7, с. 25\]](#) «Сама плачу, мне страшно, но я не могу не вернуться в деревню»; Аның әнисе Мәрьям турындагы юлларны елый-елый укый торган иде [\[7, с. 18\]](#) «Его мать, плача, читала строки о Марьям»; Тәрәзә турысына чүгәләдем дә әллә нәрсәсенә Искәндәргә күшүлүп ельйым килә башлады [\[7, с. 240\]](#) «Я присела у окна и почему-то захотела заплакать вместе с Искандером».

Процесс плача также отличается своим многообразием и передаётся с помощью различных конструкций. Эти конструкции также используются для отражения степени эмоций героев. Например, в произведениях конструкции инрәп елау «рыдая плакать», акырып елау «всхлипывая плакать», өзгәләнеп елау «надрывно плакать», зар-зар елау «рыдая навзрыд плакать», тыйлыгып елау «сдерживаясь плакать», тәгәрәп елау «заливаясь слезами плакать» передают глубину и интенсивность горя: Вәли кинәт аны кочаклап алды да, инрәп еларга кереште [\[7, с. 181\]](#) «Вали вдруг обнял её и рыдая заплакал; Әлеге сүзне ишеткәч, Аллаһияр зар-зар еларга керешә [\[7, с. 201\]](#) «Услышав

это, Аллахъяр, рыдая навзрыд, заплакал»; Акырып еларга керештем [7, с. 237] «Я всхлипывая заплакал»; Бер үк вакытта шашынып-шашынып йодрык селкисе һәм тыйлыгып-тийлыгып елйысы килә [7, с. 91] «Мне хочется одновременно потрясать кулаками и сдерживаясь плакать»; Сабиржан кызы Өммегөлсем өзгәләнеп елый [7, с. 148] «Дочь Сабиржана Уммегульсум надрываясь плачет»; ... шул қаенлык янында булсам, сикереп тәшәм дә тәгәрәп елыйм [7, с. 248] «Как только окажусь рядом с той березовой рощей, я спрыгиваю вниз и начинаю плакать, заливаясь слезами».

Эмотивная лексика в произведениях также выполняет функцию моста, соединяющего исторические события и личные переживания героев. Предложения, описывающие чувства плача, смеха, моментально раскрывают чувства-переживания персонажей, одновременно погружая читателя в эмоциональную атмосферу произведения.

«Эмоции, наряду с интеллектом, образуют ядро личности, а естественный языкreprезентирует их как специфические человеческие «знаки» [11, с. 142]. Часто с целью разнообразить язык произведения, при выражении концепта плача используются также конструкции, образованные с помощью сложного слова *күз яше* «слезы» [5, с. 666]. Например: Ул арада Вәли тагын *күз яшен түгә башлады* [7, с. 182] «Тем временем Вали снова заплакал (букв. начал лить слезы)»; Тажеддин инде *күз яшен тыя алмады* [7, с. 123] «Таджеддин больше не мог сдерживать слез»; Ирнең *күз яше тәгәри* – ул аны сөртергә жыленмый да иде [7, с. 332] «По щеке мужчины покатилась слеза — но он даже не сделал попытки стереть её».

Факт наличия подобных фразеологизмов и в старых татарских письменных памятниках свидетельствует о глубоком понимании авторами языка и широком использовании его внутренних возможностей: *Бу мискин, Мәүла Колый, яшыләр түксен, / Иман әйтеп, тәгать кылып, гомер кичсен* [9, с. 25] «Этот бедняга, Маула Куй, пусть слёзы льёт, / С верой в душе, творя молитвы, свой век проживёт».

Глаголы *куркырга* «бояться», *көләргә* «смеяться», *еларга* «плакать» часто употребляются в тексте, ясно показывая волнение, страх, радость или печаль героев. Активное употребление этих глаголов создаёт у читателя эмоциональный резонанс и повышает динамичность произведения.

Часто в исследуемых текстах произведений наблюдается активное использование глагола *кызганырга* «жалеть» при выражении чувства жалости. Например: *Петров фамилияле укытучы Нугайбәкне ... бу юлы да кызганмады* [7, с. 28] «Учитель по фамилии Петров не пощадил Нугайбека и на этот раз»; *Олылап каршы алдың, ачык чыраенны кызганмадың* [7, с. 146] «Ты встретил меня с почтением, не поскупившись на свой светлый лик»; *Анда исә ул үз-үзенә мактауны да, тәнкыйтынә дә кызганмады* [7, с. 354] «Там же он не жалел ни похвалы, ни критики себе».

Лексика, передающая концепт зависти *көнләшү*, то есть «Завидовать успеху или положительному качеству кого-либо; проявлять зависть» [6, с. 321], также занимает значительное место в текстах произведений. Например: *Нугайбәк шундук аңлады: күптән инде аның аbruеннан көнләшеп, яшертен генә теш кайрап йөргән берничә сәләтsez малайның эше бу* [7, с. 27] «Нугайбек сразу понял: это дело рук нескольких бездарных мальчишек, которые долгое время втайне, скрежечи зубами, завидовали его репутации»; *Кара бу Минлебикәне! – дип көнләште көн дә Аллаһы Тәгаләдән юньле кияу*

сөраган кызлар [7, с. 178] «Посмотрите на эту Минлебике! — говорили девушки, которые каждый день с завистью просили у Всевышнего хорошего мужа»; *Сәбәбе һаман да шул бер: алар аның гыйлеменнән, халық арасындағы абруеннан көнләште* [7, с. 200] «Причина все та же: они завидовали его знаниям и репутации среди народа».

Кроме этого, наблюдается использование лексема *көнләшү* в исследуемом произведении А. Ахметгалиевой в значении «ревновать, приревновать» [5, с. 633]: Янәшәмдә нинди генә еget заты булмасын, курыкма да, көнләшмә дә — минем йөрәгем башкалар өчен бикле. *Анда сиңа гына урын бар* [8, с. 118] «Какие бы парни ни были рядом со мной — не страшись и не ревнуй: моё сердце для других заперто. В нём есть место лишь тебе одному».

В произведениях для выражения чувств смущения, нерешительности, неловкости героев широко используется лексема *оялу* «стесняться». Например: *Ир, оялып, нидер әйтмәкче булды, әмма ихтыяры житмәде* [7, с. 211]; «Мужчина смущился и хотел что-то сказать, но у него не хватило духу»; *Китсәнә, Әдрән, Казан галимнәре алдында оялмыйча тагын!* *Булмаганны, юк-юк!* [7, с. 260] «Да брось, ты это, Адран, не хочу стыдиться перед казанскими учёными! Чего не было, того и нет!»; ... *тавышымның үземә хас булмаганча сыекланып чыгуыннан оялып, карашымны өстәлдәге кәгазыләргә батырдым* [7, с. 339] «... смущенный непривычно тихим звуком своего голоса, я уставился на бумаги на столе»; *Үз карашыннан үзе оялып, тиз-тиз атлап, кучер ачкан олы капкадан ишегалдына кереп китте* [8, с. 381] «Стыдясь своего взгляда, он быстро вскочил и вошел во двор через открытые кучером большие ворота»; *Эчкә үткән кызлар башта бераз тартынып, оялып калдылар* [8, с. 63] «Девочки, которые прошли во внутрь, сначала немного смущались и стеснялись».

В книге «Завещание» для передачи того же чувства также активно используется лексема *кыенсыну* «стесняться, испытывать неловкость». Это слово передаёт данное чувство в более мягкой форме по сравнению с лексемой *оялу*. Например: ... *сиңа иде, — диде Тажеддин, кыенсынып қына* [7, с. 150] «... к тебе уж, — сказал Таджуддин, слегка смущившись»; *Шул арада Габдерәхим хәзрәт кыенсынып басып торган Тажеддин хәзрәтне кочаклап алды* [7, с. 133] «Тем временем Габдрахим-хазрет обнял Таджеддина-хазрета, который стоял в смущении»; *Кирәк булғанда мөрәжәгать итегез, кыенсынмагыз* [7, с. 342] «Обращайтесь, если понадобится, не стесняйтесь».

В текстах эмотивная лексика играет важную роль в создании психологического портрета. Глаголы, насыщенные эмоциональностью, раскрывают внутренний мир персонажей, их реакции и чувства.

Удовлетворённость — одно из лучших качеств человека. Автор передаёт это состояние читателю с помощью конструкций *канәгать* *калу* «остаться довольным», *канәгать* *булу* «быть довольным». Например: *Бу жавалтан Габдерәхим хәзрәт бик канәгать калды кебек* [7, с. 225] «Похоже, Габдрахим хазрат остался очень доволен этим ответом»; *Инде барыннан да канәгать булдым дип уйлыйсың* [7, с. 169] «Думаете, вы уже всем довольны?»; *Якут агае канәгать көлемсерәде* [7, с. 303] «Мужчина из Якутии довольно улыбнулся».

Однако, хотя и редко, в текстах описываются и случаи неудовлетворённости героев: Ул қүзен кәгазь буйлап йөгертте — укыган кадәресе қүцелендә канәгатьләнү хисе

тудырмады булса кирәк [7, с. 155] «Он пробежал глазами бумагу — видимо, прочитанное не вызвало у него чувства удовлетворения»; Казанцев канәгатьсезлек белән йөзен жыерды [7, с. 153] «Казанцев недовольно нахмурился»; Бу эш миңа һич тә канәгатьлек бирми [7, с. 239] «Эта работа не приносит мне никакого удовлетворения».

Глагол кичерергә «прощать», передающий чувство «... отказываться от наказания, мести за чью-либо ошибку, злодеяние, обиду, дурной поступок и т.д.; прощать» [6, с. 260], гафу «прощение, извинение» и конструкции гафу кыл- «извини, прости», гафу ит- «извини, прости» [5, с. 310], гафу үтен- «просить прощения, извинения, извиняться» [5, с. 310] широко представлены в произведениях. В их употреблении не наблюдается различий в семантике или передаче эмоциональности. Например: Сезгә яхшылык кына эшләрмен, патшадан сезне кичеруегезне сорармын [7, с. 53] «Я сделаю тебе только добро и попрошу царя простить тебя»; Нугайбәк, адәм баласы хатадан хали түгел. Кичерә белергә кирәк [7, с. 63] «Нугайбек, люди не свободны от ошибок. Мы должны уметь прощать»; Кичерерлек дип табасыз икән – жибәрегез; Жәза тиешле икән – бирегез [7, с. 54] «Если считаешь это простительным – отпусти; Если заслужено наказание – накажи»; Бәндәчелек белән ачык кылган, яшерен кылган, белеп кылган, белми кылган барча гөнаһларыбызы да гафу кылсана [7, с. 108] «Прости нам все наши грехи, совершают ли мы их явно или тайно, сознательно или несознательно, будучи Твоими рабами»; Шушы бәндәң рәхмәтләрене индер, гөнаһларын гафу ит! [1:113] «Ниспошли милость Свою на этого раба Твоего и прости ему грехи!»; Гафу итегез, Жәмилә Жәлиловна [7, с. 231] «Простите меня, Джамиля Джалиловна»; Гафу, туашлар, сез дигәндә аяк идәндә [8, с. 58] «Извините, барышни, когда вы сказали, я уже был наготове».

С целью успокоить человека, переживающего горе-печаль, поднять ему настроение, остановить плач, авторы в своих произведениях часто используют глагол юату «утешать, утешить» [4, с. 683]. Например: Әмма ни әйтергә, үзен ничек юатырга белмәүдән гажиз иде [7, с. 200] «Но что он мог сказать, он был беспомощен, не зная, как утешить её»; Искәндәр үзен артыннан калмыйча юатып йөри [7, с. 286] «Искандер ходит за ней, утешая её»; Үзебез өчен яшәп калыйк әле, – дип юатты [7, с. 328] «Давайте жить для себя, утешал он».

Писатели часто доносят до читателя чувство сожаления посредством слова үкенеч «раскаяние, сожаление, досада, жалость» [4, с. 495] и глагола үкенү «каяться, раскаиваться» [4, с. 495]. Например: Элеккеге ғамәлләре өчен үкенәдер [7, с. 62] «Вероятно, он раскаивается в своих прошлых поступках»; Үзе дә үкенәдер [7, с. 63] «Он, наверное, тоже раскаивается»; Бер генә... үкенечем кала... [7, с. 344] «У меня остается только одна досада...»; Бернәрсәгә дә үкенмим [7, с. 356] «Я ни о чём не раскаиваюсь»; Фатыйма, поезд кузгалып китүгә, үзенең ғамәленә үкенә башлады бугай, йөзендә курку, борчылу, кайгыру чатылары пәйда булды

[8, с. 154] «Похоже, когда поезд тронулся, Фатима начала раскаиваться в своём поступке; на её лице появились отблески страха, беспокойства и тоски». Слова тәүбә «раскаяние, покаяние» [4, с. 348] и конструкции тәүбә ит- «каяться, раскаиваться» [4, с. 348], тәүбәгә кил- «раскаиваться, раскаяться» [4, с. 348], передающие близкое по значению чувство, также часто наблюдаются в произведениях: Бәлки, чыннан да, мин уйлаганча, тәүбә иткәндер [7, с. 63] «Может быть, он действительно раскался, как я думал»; Ялгышуым да бар, аннары,

бәлки, адәм баласы тәүбәгә килгәндер? [7, с. 62] «Может быть, я ошибаюсь, и, может быть он, человек, раскаялся?»; Тәүбә, тәүбә, диген, Хәсәнжан! [7, с. 25] «Скажи: «Каюсь, каюсь!», Хасанджан!». В их употреблении не наблюдается различий в семантике или передаче эмоциональности.

При описании чувства тоски героев, то есть переживания «... ностальгического чувства по знакомому человеку, увиденной вещи или прошлому событию, вспоминая его положительную сторону» [7: 457], писатели часто прибегают к глаголу *сагыну* «тосковать, скучать, соскучиться» [4, с. 204]: Сажидәне уйламаган, сагынмаган көне юк [7, с. 103] «Нет ни дня, чтобы я не думал о Саджиде или не скучал по ней»; Мөхәммәдшакир оныгымны бик сагындым [7, с. 230] «я очень соскучился по своему внуку Мухаммадшакиру»; Гыйззәтулла гайләсен сагынган иде [7, с. 219] «Гизатуллах скучал по своей семье»; Эти, эти, мин сине сагындым! [7, с. 344] «Папа, папа, я скучал по тебе!»; Мәктәптәге кызлар аны тәмам телдән тешермиләр, бик еш сагынып искә алалар [8, с. 66] «Девушки в школе совсем её не забывают, очень часто вспоминают с теплотой».

Частое употребление слов, передающих эмоциональное и психическое состояние персонажей в исследуемых произведениях, свидетельствует об активности такого художественного приёма, как психологизм.

Существуют также случаи, когда негативные эмоции передаются и с помощью слов, насыщенных экспрессивностью, таких как эт «собака, пес» [4, с. 673], шайтан «чёрт, дьявол, бес» [4, с. 600], жән «джинн, черт» [5, с. 389]. Например: Эт икәнсөң, малай, ну да! [7, с. 297] «А ты и в правду, собака (подлец), парень, ну да!»; Кит, кеше көлдермә, карт шайтан! [7, с. 351] «Иди, не смеси людей, старый черт!»; Их, әйләндереп каплысы, жән хатыны! [7, с. 373] «Эх, перевернуть бы лицом вниз, чертовку»; Жән карчығы, тәки эштән алдырган икән! [7, с. 300] «Ну, и ведьма, все-таки добилась его увольнения с работы»; Мин ул кашын песи ялаган жән хатынын тирмәсе-ние белән ... чыгарып ташлыым! – дип, әрле-бирле йөренеп алды [7, с. 310] «Я, эту чертову бабу, бровей которой облизала кошка, вышиврну вместе с пристанищем, сказал он, расхаживая туда-сюда в ярости».

Негативная эмоция может передаваться читателю и с помощью словосочетаний хәйләкәр тәлке «хитрая лиса» яки карт тәлке «старая лиса». Эти словосочетания используются в случаях, связанных с отношением к хитрым людям, разоблачением их неблаговидных поступков. Например: Тик хәйләкәр тәлке Кыдрач сүзендә тормый [7, с. 62] «Но хитрый лис Кидрач не держит своего слова»; Карт тәлке Мертвецов утлы табага басканмыни ... [7, с. 65] «Старый лис Мертвецов как будто наступил на горячую сковороду ...»; Шунда башың бетсен, карт тәлке! [7, с. 67] «Там и сдохни, старый лис!»; Ул бу хәйләкәр тәлкенен ... Вәлитне тотып бирергә вәгъдә биругләрен уена да кертеп карамаган иде [7, с. 86] «Он даже не подумал, что этот хитрый лис обещал поймать Валита».

Предложения, содержащие слова, обозначающие названия животных, такие как *сарык* «овца» [4, с. 219] и *ат* «лошадь, конь» [5, с. 135], также насыщены негативной эмоцией. Слово *сарык* в данном случае включает в себя значение «крукий, невежественный человек» [5:464]. Например: Нугайбәк аңлады: әйе, алар өчен халық – *сарык*, болар бары тик үз иминлеген генә кайгырта [7, с. 31] «Нугайбек понял: да, для них народ — это овцы, а эти заботятся лишь о собственной безопасности»; Димәк, фетнә халыкны тәмам

сарыкка тиңли башлаган хөкүмәт кешеләренең күңеленә курку оеткысын шактый ук салган булып чыга [7, с. 100] «Выходит, смута поселяла в душах людей из правительства, которое стало приравнивать народ к бесправным овцам, довольно сильное семя страха»; *Патшасы халыкны сәйми, аңа ышанычы юк, сарыкка караган кебек карый* [7, с. 220] «Царь не питает любви к своему народу, не доверяет ему и воспринимает его как стадо овец»; Сравнение *ат хәтле, ат кебек* «как лошадь, лошадиный» в данном случае использовалось для передачи значения «крупный, статный человек» [7: 53] *Әллә ат хәтле малайның имчәгөңне тотып ятуын телисөнме?* [7, с. 24] «Или ты хочешь, чтобы парень, крупный как лошадь, лежал, обняв тебя за талию?».

В текстах для передачи негативной эмоции также используются слово *кабахәт* «подлец, мерзавец, поганец, гад, гадина, тварь, мразь» [5, с. 502] в значении «Человек,зывающий отвращение» [6, с. 216], слово *албасты* «злой дух, дух-мучитель, дух угнетатель, страшилище, чудовище» [5, с. 1,77] в значении «Проявляющий жестокость, насилие; совершающий злодеяния; злая сила» [6, с. 33], и слово *аждаха* «изверг, вампир, лютый» [5, с. 53] в значении «Говорится об очень злом, жестоком человеке» [6, с. 25]. Например: *Кабахәт! Мин аны шуши кулларым белән!* [7, с. 63] «Мерзавец! Я его этими руками...!»; *Теге кабахәт аны халыкка өләшүдән тыйды* [7, с. 30] «Тот мерзавец запретил раздавать это людям»; *Өсләренә төрле ертық-сәләмә киеп, кулларына сәнәк, чалғы, казык totkan бу ирләр Осип қүзенә урман албастылары булып күренә башлады* [7, с. 53] «Эти люди, одетые в разные тряпки и лохмотья, держащие топоры, косы и колья, стали казаться Осипу лесными чудищами»; *Хәзер дөресен әйт: сине абыйның аждаһасы рәнҗетәме? – дип сорап күйди* [7, с. 310] «А теперь скажи мне правду: тебя изверг твоего брата обижает? – спросил он».

В произведениях также наблюдаются случаи, когда эмоциональность часто передаётся междометиями: *валлахи, билләни* «Ей-богу, клянусь богом» [5, с. 241] (клятвенные междометия), выражаяющими одобрение; *менәтерәк* «Вот», част.усил. разг. [4, 2, с.37]; *каһәр суккан* «проклятый» [5, с. 549]; *рәхмәт тәшкере* «Да будет милость божья» [4, с. 183], выражющее благодарность/радость). Например: *Нәкъ син инде, валлахи!* [7, с. 254] «Ей-богу, вылитый ты!»; *Әгәр кемдер мине читтән карап торса, хәйран калыр иде, билләни* [7, с. 237] «Если бы кто-то посмотрел на меня со стороны, ей-богу, удивился бы»; *Рәхмәт тәшкере, әтисенең дусты сүзчән, ин мөһиме, тарихтан хәбәрдар кеше иде* [7, с. 115] «Да будет милость божья, друг отца был добродушным, красноречивым, а самое главное, знающим историю человеком»; *Менә Казан артында Аты юлы бар, анда сикергәләп кенә барасың инде, менәтерәк* [7, с. 5] «За Казанью есть конная дорога, по которой едешь подпрыгивая и подскакивая, вот»; *Ә беркәнне... шул каһәр суккан көнне ... Жиһанның башында яман шеш тапканнар* [7, с. 330] «И вот однажды, в тот проклятый день, у Джихана обнаружили злокачественную опухоль в голове».

В передаче эмоциональности и экспрессивности велика роль и уменьшительно-ласкательных суффиксов -чык/-чек, -кай/-кәй, -кәш. Они используются, главным образом, для создания позитивных эмоций, выражения чувств любви и ласки [10, с. 240]. Например: *Әбиләрем шулкадәрле зиннәтле кулмәкләрне күреп аh итте. – Әнекәчкәем лә генә!* [7, с. 291] «Мои бабушки ахнули, увидев столь нарядные платья. — Ой, мамочки!»; *Ашыкма әле, жанкисәккәем* [7, с. 335] «Не спеши же, моя душечка»; *Әй остазым,*

кызыгым бер дә умартадай гөжләми, татлыдан татлы бал сыман [7, с. 93] «О учитель мой, моя доченька вовсе не жужжит как улей, она слаше сладкого мёда»; Менә яучы жибәртим генә, атаң шунда ук риза булыр, кошчыгым [7, с. 179] «Вот пошлю гонца, отец твой тут же согласится, птенчик мой»; Кызык җавап көтә иде. – Мин дә... сезне сагындым, кызым [7, с. 345]; «Девчушка ждала ответа. – Я тоже по вам скучал, доченька»; Аннан өйдә энекәш кала барыбер [7, с. 247] «А дома всё равно остаётся младший братик»; Мин аңа: «Сиңә энекәш алып кайтабыз», – дигәндә, мәчеттә азан әйтә башладылар [7, с. 334] «Когда я сказал ей: "Привезём тебе младшего братика", в мечети начали читать азан»; Эй балакаем! ... Мин дөньядан үткәч, каберемне ялғыз калдырма [7, с. 8] «О, дитя моё!... После того как я уйду из этого мира, не оставляй могилу мою в одиночестве...».

Проведенное исследование эмотивной лексики в произведениях Айгуль Ахметгалиевой и Рустама Галиуллина позволяет сформулировать следующие выводы:

1 . Эмотивная лексика выполняет ключевую функцию в создании психологических портретов персонажей. Глаголы эмоциональных состояний (шатлану «радоваться», куану «радоваться», көлү «смеяться», кайғыру «горевать», курку «бояться», ачулану «гневаться», елау «плакать», сүгү «ругать») и их разнообразные синтаксические конструкции не просто называют чувства, а детально раскрывают внутренний мир героев, показывая динамику их переживаний — отдержанной радости до безудержной ярости и от тихой печали до глубочайшего горя.

2. Выявлена четкая классификация способов передачи эмоций, отражающая их глубину и характер:

- Внешние, демонстративные эмоции («радость», «смех») передаются через видимые физические реакции и действия персонажей.
- Глубокие внутренние переживания («удовлетворение», «сожаление», «тоска») раскрываются через сложные чувства, связанные с нравственным выбором, рефлексией и духовными поисками.
- Социально обусловленные эмоции («справедливость» / «несправедливость», «зависть», «ревность», «стыд») служат для отражения взаимоотношений персонажей в обществе и их моральных установок.

3 . Установлено, что эмоциональность в исследуемых текстах обладает культурной спецификой. Она выражается через:

- Уникальные метафоры и сравнения: халык – сарық (народ — овцы), ат хәтле («как лошадь», о статном мужчине), күзләре йолдыз күк балкып янарга тотынды («глаза загорелись, как звезда»).
- Фразеологизмы, уходящие корнями в национальную культуру: күз яше түгү («лить слезы»), жән ачуларын чыгару («приходить в ярость», букв. «выпускать джиннского гнева»).
- Активное использование арабо - персидской лексики (хәвеф « страх, боязнь, опасение», тәүбә «покаяние, раскаяние», гафу «прощение», иман «вера») для передачи сложных религиозно-этических понятий, что подчеркивает связь эмоционального мира с исламской духовной традицией.

4. Определена роль стилистических средств в усилении экспрессии:

- Экспрессивная лексика (эт «собака, пес», шайтан «чёрт, дьявол, бес», албасты «злой дух, чудовище», аждаха «изверг, вампир, лютый», кабахәт «подлец, мерзавец, тварь») используется для создания резко негативных характеристик и накала страстей.
- Уменьшительно-ласкательные суффиксы (-чык / чек, -кай / кәй, -кәш) систематически применяются для передачи позитивных эмоций, любви, ласки и сострадания, создавая эмоциональный контраст и углубляя психологизм.
- Междометия и формулы клятв (валлахи, билләхи «Ей-богу, клянусь богом», рәхмәт төшкере «Да будет милость божья») придают речи персонажей живость, аутентичность и культурное своеобразие.

5. Доказано, что эмотивная лексика служит мостом между историческим контекстом и личными драмами героев. Описания чувств страха, гнева, тоски и надежды не просто иллюстрируют индивидуальные переживания, но и погружают читателя в конкретную социально-историческую атмосферу, отражая дух времени и общественные конфликты.

Таким образом, эмоциональная лексика в произведениях А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина предстает не как вспомогательный элемент, а как системообразующий компонент художественного мира. Ее богатство, разнообразие и глубокие культурные корни позволяют авторам не только создать убедительные психологические портреты, но и донести до читателя духовное богатство и уникальное мироощущение татарского народа. Данное исследование наглядно демонстрирует, что современная татарская литература, опираясь на традиции, продолжает развивать и обогащать язык для выражения всей полноты человеческих чувств.

Библиография

1. Балли Ш. Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы, 1961.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Москва: Наука, 1976. EDN: YLAVZX
3. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск: Издательство Днепропетровского университета, 1975.
4. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 2. (М-Я). Казань: Магариф, 2007.
5. Татарско-русский словарь: в двух томах. Т. 1. (А-Л). Казань: Магариф, 2007.
6. Толковый словарь татарского языка. Казань: Матбулат йорты, 2005. 848 с. / Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: "Матбулат йорты" нәшрияты, 2005.
7. Галиуллин Р. Г. Завещание. Казань: Татарское книжное издательство, 2017.
8. Әхмәтгалиева А. Г. Туташ: роман / Айгөл Әхмәтгалиева. Казан: Татар. кит. нәшр., 2019.
9. Валиева М. З. Устойчивые словосочетания в старых татарских письменных памятниках XVII–XVIII веков // Фэнни Татарстан. 2024. № 3. С. 22-30. EDN: YMYRMG
10. Лексикология татарского языка: в трёх томах / рук. проекта М. З. Закиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казань: ИЯЛИ, 2016. Т. II.
11. Калимуллина Л. А. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка: синхронический и диахронический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. EDN: QDEXIP

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Функционирование эмотивной лексики в текстах современных татарских авторов (на материале произведений А. Ахметгалиевой и Р. Галиуллина)» представляет собой глубокое и системное исследование эмоционально-оценочной составляющей татарской художественной речи. Предметом анализа является функционирование эмотивной лексики — слов, выражающих различные эмоциональные состояния, — в структуре текста и их роль в формировании психологического портрета персонажей, а также в передаче национального мировидения и культурных установок. Автор продемонстрировал высокий уровень филологической подготовки, сочетая лингвистический, культурологический и литературоведческий подходы.

Методологическая работа выполнена строго и убедительно. Используются методы лексико-семантического, контекстуального и сопоставительного анализа, что позволяет автору всесторонне рассмотреть функции эмоциональных слов и конструкций в произведениях двух современных татарских писателей. Привлечение большого корпуса текстовых примеров делает выводы достоверными и убедительными. Исследование опирается на нормативные источники татарского языка — толковые и двуязычные словари, а также на теоретические труды по семантике и стилистике (Ш. Балли, Н. Арутюнова и др.). Отдельного упоминания заслуживает тщательная систематизация эмотивной лексики по семантическим полям (радость, страх, гнев, сожаление, зависть, смущение и т.д.), а также выделение уровней эмоциональной интенсивности, что демонстрирует чёткую исследовательскую логику. Вместе с тем, можно рекомендовать автору включить элементы количественного анализа — например, частотность употребления определённых глаголов или фразеологических единиц, — что усилило бы научную доказательность работы и позволило бы наглядно показать доминирующие эмоции в произведениях Ахметгалиевой и Галиуллина.

Актуальность исследования не вызывает сомнений. В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к проблемам эмотивности, экспрессивности и языковой картины мира в национальных литературах. Тема исследования органично вписывается в контекст современной татарской филологии, ориентированной на изучение взаимодействия языка, культуры и личности. Эмотивная лексика как индикатор национального мироощущения представляет особый интерес для понимания специфики татарской художественной традиции, её духовных и этических ориентиров. Кроме того, обращение к современным авторам делает работу не только теоретически значимой, но и практически полезной для анализа современной литературы, в том числе в аспекте преподавания татарского языка и культуры.

Научная новизна статьи состоит в системном описании и классификации эмоциональной лексики в текстах конкретных авторов, а также в выявлении национально-культурных особенностей её употребления. Автор убедительно показывает, что эмоциональные слова и конструкции не просто выражают чувства, но служат инструментом репрезентации внутреннего мира персонажей и нравственных ценностей. Особое внимание уделено роли арабо-персидских заимствований (хәвеф, тәүбә, гафу и др.), передающих сложные духовные и религиозные состояния. Впервые на материале татарской прозы конца XX — начала XXI веков выявлены закономерности употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов (-чык, -кай, -кәш) как средства позитивной

эмотивности и создание культурно маркированных речевых образцов. Это придаёт исследованию новизну и делает его значимым вкладом в развитие татарской лингвостилистики.

Структура статьи логична, а стиль изложения отличается ясностью и академической точностью. В тексте нет избыточных описаний, каждая часть аргументировано связана с предыдущей, а выводы соответствуют поставленным задачам. Особенно удачно выполнены фрагменты анализа, где подробно рассматриваются контексты употребления ключевых глаголов (шатлану, кайгыру, ачулану, елый, сагыну и др.) с опорой на реальные цитаты из произведений. Это позволяет проследить динамику эмоциональных состояний героев и оценить выразительные возможности татарского языка.

Библиография статьи тщательно составлена, включает фундаментальные источники по стилистике, лексикологии, психолингвистике, а также современные татарские словари и художественные тексты, послужившие материалом исследования.

Апелляция к оппонентам в статье выражена корректно: автор не вступает в прямую полемику, а опирается на существующие научные позиции, развивая их и конкретизируя в рамках своего материала. Это создает впечатление исследовательской зрелости и научной этики.

В целом статья отличается высоким уровнем научной культуры, продуманной структурой и оригинальностью подхода. Она делает значимый вклад в развитие лингвостилистического анализа татарской художественной речи, открывает перспективы дальнейшего исследования эмоционально-семантических категорий в национальных литературах и может быть полезна для преподавателей, исследователей и студентов филологических направлений.

Полагаем, что рецензируемую статью можно рекомендовать к публикации в научном журнале без критических замечаний